

Ли Наньчжу с самым искренним порывом сжал ладонь мальчика. Он мог бы поклясться чем угодно: никаких затаённых или двусмысленных мыслей у него и в помине не было. И пусть перед отъездом старший брат проболтался, будто император Юаньхэ вознамерился сосватать его с Ли Яннйнем, — что ж, в вопросе выбора между верностью государю и благополучием семьи брат и впрямь смахивал на заправского злодея.

— Если Его Величество действительно решит возвести на престол императорского внука-преемника, ему незачем принуждать тебя к нежелательному браку, — с чувством напутствовал его Князь Ли перед самой дорогой. — Наша семья верна престолу до мозга костей, и императору это прекрасно известно. Так что не бери в голову: отправляйся в столицу и просто развлекайся.

Князь Ли говорил от всего сердца, опасаясь, как бы младший брат из какого-нибудь ложного чувства долга не совершил глупость.

Ли Наньчжу тогда только про себя вздохнул: «Ну надо же, брат, какого ты высокого мнения обо мне, законченном бездельнике!»

— Я еду лишь поглазеть на столицу да поведать Сяо Няня. В конце концов, не дело, когда человек раз за разом снится. А уж замуж за мужчину я точно не пойду, так что спи спокойно! Твой брат проживёт веком бобылем и ни с кем себя узами брака не свяжет.

Ли Наньчжу дал эту клятву легко и без колебаний.

Князь Ли от такого заявления даже растерялся, толком не сообразив, о чём ему теперь печалиться больше.

В итоге оба брата с легким сердцем сошлись на том, что это обычная дальняя поездка и Наньчжу рано или поздно вернётся в родной Чжаочжоу.

Наньчжу вовсе не бравировал. Дело заключалось в том самом статусе гэера, о котором упоминалось ранее. Родившись в этом мире с воспоминаниями о прошлой жизни, он только к пяти годам с ужасом осознал всю специфику своего пола.

Гэеры способны рожать детей.

Пятилетний малыш Наньчжу от такой новости остолбенел.

Впрочем, как и в три года, когда он отказался рано вставать ради учёбы и решил стать беззаботным сибаритом, живущим на всём готовом, пятилетнему Наньчжу потребовалось ровно полпиалы парного молока, чтобы прийти к окончательному выводу: он останется бобылем на всю жизнь. Никакой романтики, никакой страсти! Приняв это судьбоносное решение, он обрел поистине буддийское умиротворение.

Пусть суетные мирские чувства обходят его стороной.

Поэтому, когда брат намекнул на желание императора Юаньхэ сосватать его за Яннися, или когда старший племянник Ли Муцзэ шутил про двенадцатилетнего младшего сына уездного князя Цзя, Наньчжу не ощутил ни капли смущения или девичьего стыда, положенного «незамужнему гэеру». В голове его звучал лишь оглушительный хохот: «Ха-ха-ха, вот уж дудки!»

Заставить его краснеть и робеть?

Ха! Не дождётесь.

И вот сегодня в Зале Вечного Единения...

Ли Наньчжу по всем правилам отвесил полный поклон императору Юаньхэ. Едва он закончил приветствие, как сверху раздался мягкий, преисполненный доброты голос правителя:

— Встань, дитя мое, встань. Дорога была дальней, ты наверняка утомился.

Евнух Лю Лубао тут же поспешно суеился рядом, помогая юноше подняться.

— Садись к нам поближе, — ласково произнес император, восседавший на широкой кушетке.

Дворцовый этикет строго запрещал поднимать глаза на государя, однако Наньчжу сжигал естественный интерес: если сидеть так близко, всё равно ведь придется смотреть во время беседы! И он совершенно непринужденно поднял взгляд.

Император Юаньхэ оказался вполне приятным, добродушным стариком.

— Вот сюда, рядом с Яннисям, — указал император на место неподалеку. В его голосе слышалась искренняя теплота с лёгкой примесью хитринки, какая бывает у старших, замисливших сводничество.

В точности как у его брата и старшего племянника, когда те подшучивали над ним!

Ли Наньчжу мысленно ухмыльнулся и перевёл взгляд туда, куда указывал император. Перед ним предстал Ли Яннися — юноша, еще не успевший окончательно вытянуться.

Каков же он был собой?

Увы, Наньчжу был отпетым празднолюбом и изысканными словесами не владел. В его голове

пронеслось лишь простенькое: «До чего ж красив да хорош!» Пока император Юаньхэ с доброй улыбкой ожидал хотя бы тени смущения на лице юноши, Наньчжу в два шага приблизился к кушетке, уселся рядом и без лишних церемоний сжал ладонь мальчика.

— Ох, Сяо Нянь, ты ли это? Сколько лет не виделись! Помнишь своего дядюшку? Когда ты гостил у нас, я тебя и на деревья лазить учил, и птичьи гнёзда разорять, и в речке рыбу руками ловить!

В эту минуту Ли Наньчжу до боли напоминал того самого беспардонного дальнего родственника, который на праздниках ловит детей и донимает их бесцеремонными расспросами.

Улыбка на лице императора Юаньхэ на мгновение застыла. Стоявший неподалеку Лю Лубао от такой сцены едва не выронил поднос — глаза евнуха округлились, хотя он не посмел молвить ни слова, лишь осторожно следил за реакцией государя.

«Беда... — с тревогой подумал Лю Лубао. — Его Величество привязался к маленькому уездному князю, но и во внуке души не чает. А ведь у императорского внука характер сдержанный, прохладный, он органически не переносит болтливых и бесцеремонных людей. Если молодым людям не по душе друг другу, насильно счастья не скроишь...»

— Руки-то у тебя какие холодные! Весна ещё не вступила в свои права, не спеши снимать зимнее платье. Недаром говорят: весной кутайся, осенью не кутайся. Не простудись! — с глубоким прискорбием и назидательностью произнёс Наньчжу.

В точности так, как в прошлой жизни его собственная мать заставляла надевать тёплые кальсоны. Интонация была выверена безупречно.

Наньчжу разглядывал сидевшего напротив подростка. Ли Яннень выглядел совсем юным: мертвенно-бледная кожа, строгая, прямая осанка, напоминавшая одинокий цветущий мейхуа на морозном ветру. Когда мальчик поднял взгляд, его большие, глубоко посаженные глаза выражали удивительную кротость и покой.

«А Сяо Нянь-то смахивает на полукровку...» — подумал Наньчжу.

Вспомнив сновидение, где Яннень представал истощенным, иссушенным болезнью и полным затаенной ярости, Наньчжу сопоставил тот образ с нынешним — хоть и болезненно-сдержанным, но относительно здоровым мальчиком.

Наньчжу тихо вздохнул про себя и слегка погладил ладонь подростка, словно пытаясь успокоить.

— Яннень помнит дядюшку Наньчжу, — изящные пальцы юноши слегка дрогнули. Он поднялся

с места, шурша широкими одеждами, и с грацией одинокого журавля отдал низжайший поклон развалившемуся на кушетке Наньчжу. — Благодарю дядюшку за заботу. Я запомню твои слова.

Голос подростка уже начал ломаться, звуки выходили немного неровными, что с непривычки диссонировало с его утончённой внешностью.

Ли Наньчжу расплылся в широкой улыбке и, повернувшись к императору Юаньхэ, восторженно заявил:

— Какой же замечательный мальчик! Как отлично вы его воспитали, Ваше Величество!

Император Юаньхэ молча лишился дара речи.

Какое уж тут сватовство? Наньчжу относится к Яннью исключительно как к любимому племяннику!

— Да садись ты, садись! Чего нам с тобой, родному дяде и племяннику, чиниться, — безбожно по-братски бросил Наньчжу подростку и лишь затем, опомнившись, поинтересовался у правителя: — Ваше Величество, я... ничего лишнего себе не позволил?

Император Юаньхэ добродушно расхохотался:

— Славное дитя! Ты искренне привязан к Яннью, какая уж тут дерзость? В моих покоях к строгим церемониям не прибегают.

Тут уж Наньчжу для приличия изобразил лёгкое смущение:

— Благодарю, Ваше Величество! Я ведь в Чжаочжоу совсем одичал. Столько лет Сяо Няня не видел, вот от радости и потерял голову, заговорил без должного почтения.

— И хорошо! Зачем нам лишняя сухость? — император улыбнулся, погружаясь в воспоминания. — Когда покойный родитель выходил в поход, я сопровождал его. В битве при горе Оленьего Тумана я чуть не расстался с жизнью, и если бы не брат Аньхэ, вынесший меня на себе из самой гущи кровавого месива, меня бы давно не было на свете.

Ли Аньхэ был отцом Ли Наньчжу.

— Тогда император-родитель молвил: «Аньхэ спас тебе жизнь, отныне он твой старший брат». — Глаза государя теплом лучились, пока он смотрел на юношу. — Дитя мое, тебе вполне под стать звать меня дядей.

До сегодняшнего дня Наньчжу никогда не видел императора. Из слов старшего брата выходило, будто венценосный дом всегда благоволил роду Ли и не стал бы расправляться с верными слугами. Поначалу Наньчжу в это не верил — история знает слишком много кровавых расправ! Но, глядя на стоящего перед ним старика, он понимал: эти чувства настоящие.

— В таком случае Наньчжу не станет стесняться, императорский дядя.

— Вот и ладно! — Император расплылся в еще более широкой улыбке и указал на внука: — Тогда поручаю тебе присмотреть за этим мальчиком.

Ли Наньчжу про себя застыл: «Ух, хитрая лиса! И у доброго старика свои расчеты. Просчитался я!»

Беседа продолжилась. Наньчжу во всех красках расписывал диковины Чжаочжоу и дорожные приключения. Император Юаньхэ неустанно смеялся, временами заходясь в искреннем хохоте, раскаты которого долетали даже до бокового павильона.

— Отец-император сегодня в прекрасном расположении духа, — заметил девятый принц, обращаясь к стоящему рядом евнуху. — Как долго уездный князь Ли пробудет внутри?

Слуга из личной свиты лишь ниже склонил голову, предпочтя притвориться глухим. Девятый принц и сам прекрасно понимал, что ответа не получит, но удержаться от колкости не мог. Он повернулся к соседу по столу:

— Седьмой брат, да кто вообще такой этот Ли Наньчжу? Заставил всех нас ждущими просиживать! Какая спесь!

— Девятый брат, побереги язык, — спокойно осадил его седьмой принц.

Однако, слыша доносившийся из внутренних покоев смех государя, он про себя изумился. Матушка-императрица была права: уездный князь Ли обладал куда большим весом, чем казалось. Допускать промаха нельзя. Даже если не удастся заполучить Наньчжу себе, ни в коем случае нельзя позволить другим сосватать его! Особенно...

Его взгляд скользнул мимо девятого брата и остановился на двенадцатом.

Среди сыновей императора, помимо него самого, обладавшего высоким происхождением от императрицы, лишь двенадцатый принц, рождённый Благородной супругой Нин, мог составить ему конкуренцию.

Вдруг в покои осторожно вошел Лю Лубао:

— Ваше Величество, почтенные супруги и принцы собрались в павильоне.

Император Юаньхэ, еще не остывший от веселой беседы, кивнул:

— Вот и славно! Наньчжу как раз с ними познакомится.

Императорский кортеж переместился в боковой павильон. Собравшиеся там августейшие наложницы и принцы сотворили нижайший поклон государыне и государю. Когда император воссел на престол, перед очи собрания предстал Ли Наньчжу.

В Великой династии Ли отношения между государем и подданными строились на заветах «правитель и слуга», а не «господин и раб», поэтому вне торжественных церемоний земные поклоны бить не требовалось.

Впрочем, для Наньчжу это был первый визит во дворец. Хотя пир считался семейным, при желании его можно было трактовать и как официальный прием. Валиться на колени юноше категорически не хотелось, но, взглянув на восседающую на троне императрицу, он всё же решил соблюсти приличия.

— Цзытун, а вот и младший сын брата Аньхэ, о котором Я тебе рассказывал, — с искренней радостью проговорил император Юаньхэ. — И не успел Я оглянуться, как он вырос! Только что потешал Нас дорожными байками — невероятно живой и смыслённый мальчик.

Улыбнувшись самой безобидной и открытой улыбкой, Ли Наньчжу склонился в глубоком поклоне:

— Наньчжу приветствует Ваше Величество императрицу. Желаю императорской тётушке здоровья и процветания!

Он чинно сложил руки в приветственном жесте.

— Ха-ха-ха! Именно! — разохотился император. — Я велел ему звать Меня дядей, так кем же ты ему приходишься, как не тётушкой? Звучит необычно, зато по-семейному, без лишней чопорности!

Раз уж сам правитель задал такой тон, императрица не стала напускать на себя важность и ответила благосклонной улыбкой.

Тон небольшой пирушке был задан.

Коль скоро уездный князь Ли избежал земных поклонов перед самой императрицей, прочим высокопоставленным наложницам и подавно рассчитывать на это не приходилось. По личному

указанию государя Наньчжу усадили по правую руку от правителя, а Ли Янняя посадили рядом, за тот же стол.

Зазвенели кубки, подали изысканные яства, перед гостями закружились танцовщицы.

— Если память не изменяет Нам, Наньчжу в этом году исполнилось девятнадцать? — с теплыми интонациями обратилась к нему императрица. — Ты впервые в столице, ничего здесь не знаешь. По возрасту ты близок к нашему Седьмому — думается, вы легко найдете общий язык. Пусть он покажет тебе город.

Наньчжу с аппетитом уплетал креветочные шарики. Услышав вопрос, он не спеша проглотил кусочек и с детским любопытством посмотрел на императрицу:

— Ваше Величество, Седьмой — это седьмой принц? А сколько ему лет?

Прежде чем императрица успела ответить, седьмой принц подал голос сам:

— Мне исполнилось двадцать.

— Двадцать... — задумчиво протянул Наньчжу и вдруг хлопнул себя по колену: — Вот так совпадение! Мне ведь тоже двадцать! В дороге исполнилось девятнадцать, а после Нового года уже двадцатый пошёл.

В те времена возраст считали именно так: с наступлением нового года каждый прибавлял себе по году.

Наньчжу окинул седьмого принца беглым взглядом. Надо признать, породой венценосное семейство обделено не было — юноша выглядел весьма недурно. Вот только в свои двадцать лет он уже напускал на себя вид властного покровителя... Пройдет еще пару лет, и этот «властный повелитель» превратится в заправского самовлюбленного индюка.

— Пускай Ваше Величество не сочтёт за глупость, но брат всегда твердил, будто я так и не вырос, — с чистой, безгрешной улыбкой признался Наньчжу. — С самого детства мне больше по душе компания ребятишек. Боюсь, с моей ребячливостью седьмому принцу быстро станет со мной скучно.

Императрица на миг замешкалась. Она не могла взять в толк: то ли Наньчжу намекал, что седьмой принц для него слишком стар, и пытался ловко вильнуть, то ли юноша и впрямь был до того прост и прямолинеен, что говорил чистую правду?

В дворцовых покоях привыкли к тройным подтекстам, а от столь непосредственных речей императрица совершенно потерялась.

— Что ты! Седьмой у нас тоже любитель развлечений, побеседуете пару дней — и сами не заметите, как сдружитесь, — сгладила углы императрица.

Благородная супруга Нин тихо хихикнула:

— Ваше Величество, мне кажется, малый уездный князь намекает, что предпочитает компанию помладше да повеселее. Если уж собираться на прогулку, так шумной ватагой! Наш Двенадцатый как раз младше князя, пусть присоединится!

«Ещё чего! Собираться мне с каким-то гэером...» — бубнил себе под нос двенадцатый принц. О чём с ним вообще разговаривать? Вышивать крестиком или бегать по лавкам за румянами и пудрой?

Благородная супруга Нин заметила, как её глуповатый отпрыск что-то цедит сквозь зубы, явно не предвещающее ничего благочестивого. Неизвестно, уловил ли его бормотание Наньчжу, но тот вдруг с готовностью всплеснул руками:

— Замечательная идея! Вы все так добры ко мне, я просто счастлив!

— Значит, Седьмой и Двенадцатый принцы пойдут со мной. А Шестой и Девятый присоединятся?

— Я ещё слышал, что сыну уездного князя Цзя всего двенадцать лет — самый тот возраст, когда хочется резвиться без оглядки!

— Чем больше народу, тем веселее!

Наньчжу радостно захлопал в ладоши. Раз уж из него решили сделать игрушку для принцев, почему бы не превратить этих царственных отпрысков в собственную свиту? Любите гулять — пойдёмте вместе!

Императрица онемела.

Благородная супруга Нин обомлела.

Прочие наложницы, не имевшие права голоса, замерли от изумления.

Никто не ожидал от малого уездного князя подобной выходки! Младшие наложницы мечтательно надеялись выставить своих сыновей напоказ, да стеснялись заговорить. А Наньчжу одним махом, точно опытный уличный драчун, разрушил все хитроумные дворцовые интриги: законный ли ты сын, любимчик ли — загреб всех до единого!

Даже наследника уездного князя Цзя не пощадил.

Высказавшись от души, Наньчжу ни капли не замучился совестью по поводу чужих мыслей. Он задорно подмигнул Ли Яннью:

— Ну что, Яннью, идём? Дядюшка устроит тебе незабываемую прогулку! Ну, или ты мне покажешь город, если хочешь.

Ли Яннью сидел бесстрастно, словно изваяние из льда, и хранил холодное молчание. Однако восседавший во главе стола император Юаньхэ со смехом вмешался:

— Иди и ты, Яннью. Нечего сидеть в дворцовой духоте. Твой дядюшка приехал из такой дали, развлекись с ним.

— Слушаюсь, Ваше Величество, — лишь тогда покорно отозвался юноша.

Наньчжу поглядел на Сяо Няня. Прошло несколько лет: мальчик изменился, но вместе с тем остался прежним. В точности таким же, как в день их первой встречи, — ёжистым, диковатым, чурчающим людей, но в глубине души добрым и послушным ребенком.

Подумав об этом, Наньчжу не удержался и бесцеремонно взъерошил гладкую причёску Яннью:

— Чего разжевал тут чины да ранги?

Мальчишка.

Ли Яннью на мгновение замер. На его волосах, казалось, все еще сохранялось тепло ладони. Забывшись, точно в далеком детстве, он смотрел на профиль дядюшки Наньчжу. Тот с аппетитом уплетал угощения и вдруг надул щеку — видимо, наткнулся на нелюбимую специю.

Это действительно был его дядюшка Наньчжу.